

РЕЦЕНЗИИ

Сферическая антропология П. Слотердайка. Рецензия на трилогию «Сферы»

Слотердайк П. Сферы. Микросферология. Т. I: Пузыри / пер. с нем. К. В. Лоцевского. СПб. : Наука, 2005. 653 с.

Слотердайк П. Сферы. Макросферология. Т. II: Глобусы / пер. с нем. К. В. Лоцевского. СПб. : Наука, 2007. 1024 с.

Слотердайк П. Сферы. Плоральная сферология. Т. III: Пена / пер. с нем. К. В. Лоцевского. СПб. : Наука, 2010. 924 с.

В конце прошлого года в издательстве «Наука» был издан перевод последнего тома трилогии «Сферы» известного немецкого философа Петера Слотердайка. До этого русскоязычные читатели могли познакомиться с первым и вторым томом «Сфер», а также с первым громким произведением Слотердайка «Критика цинического разума» и несколькими фрагментами в Интернете, в частности с докладом, который считается программным для немецкого философа: «Правила для человеческого зоопарка».

Вообще говоря, выход этого трехтомника, этого *opus magnum* (на русском более 2500 страниц), — событие для постсовременной философии скорее исключительное, чем обычное. Постсовременность, как известно, постулирует смерть «большого рассказа», с подозрением относится к объемным философским системам, претендующим на тотальное описание мира. Западный философский мейнстрим сегодня — это, скорее, малые формы, алогичность, клиповое мышление, парадокс, практическая философия и т. п. В этой связи объем, тематическое разнообразие и единая логика «Сфер» поражают воображение. Следует отметить не только интеллектуальную смелость немецкого философа, но также колоссальный труд, который проделал переводчик К. В. Лоцевский. Некоторая интеллектуальная смелость должна быть присуща и читателю, который задумает преодолеть эти три тома, так как сегодня судьба чтения — фрагментарное и случайное схватывание в колоссальных архивах.

Поражает также количество и разнообразие иллюстративного материала (по сути иллюстраций немногим меньше, чем страниц), особенно в первом и втором томах. Слотердайк удивительным образом решает пресловутую проблему наглядности в философии. Эта проблема коренится в родовом стремлении философии абстрагироваться от конкретных чувственных образов. Однако мы знаем, что иконический запрет в истории философии постоянно нарушается. Даже мастер абстракции (не-наглядности) Гегель старался крупными серыми штрихами проиллюстрировать свою систему соевой, летящей в ночи, и духом, который гарцует на лошади.

Множество визуальных примеров, которые поясняют те или иные логические ходы, подобраны Слотердайком тщательно и точно. Репродукции картин, икон, фресок, фотографии зданий, скульптур и барельефов, схемы и графики — этот список можно долго продолжать — все это делает трехтомник замечательным примером визуализации объяснения. Причем в «Сферах» можно найти как иллюстрации к отдельным положениям, так и развернутый культурологический анализ некоторых произведений искусства.

Список тем, которые затрагивает немецкий философ, настолько широк, что, пожалуй, только простое перечисление заняло бы несколько страниц рецензии. Однако все же следует попытаться отметить ключевые и актуальные рубрики, которые, несомненно, будут интересны читателю. В «Сферах» Слотердайк разрабатывает теорию символического пространства и, в частности, концепцию постсовременной архитектуры. Здесь также представлена философско-антропологическая концепция диад и симпатических связей. Во втором томе можно найти философскую теорию метафизической и территориальной глобализации. В третьем томе представлена оригинальная социологическая концепция (теория пены), преодолевающая оппозицию реализма и субъективного идеализма. Кроме того, в «Сферах» можно вычитать положения фетальной метафизики, согласно которой человек, до того как родиться и в процессе рождения, получает некий важный метафизический опыт, который сохраняется на протяжении жизни. Также здесь содержится оригинальная медиафилософская концепция и теория коммуникации. Наконец, магистральной линией, можно даже сказать, методологией сферологического проекта является так называемая «всеобщая иммунология».

В этой рецензии как раз предлагается сосредоточить внимание на учении Слотердайка о человеке как о некоем фоне теории сфер. Дело в том, что ключевой характеристикой человеческого существования является конструирование сфер. Сфера является некоторым универсальным символом человеческого существования, к которому, так или иначе, редуцируются остальные геометрические фигуры. Согласно Слотердайку, жить, строить сферы и мыслить — это примерно одно и то же¹. Создание сфер — это также создание общих иммунных пространств солидарности.

В истории культуры выявляются три разновидности сфер: «пузыри» (Blasen), «шары-глобусы» (Globen) и «пена» (Schäume) соответственно. Каждому из сферотипов соответствует своя дисциплина и посвящен отдельный том: «Микросферология», «Макросферология», «Плюральная сферология». Образ пузыря используется для описания различного рода интимных, по сути амедиальных межличностных отношений; слово «пузырь» как раз здесь подчеркивается хрупкость этих отношений. Метафора шара-глобуса выбирается Слотердайком для описания глобальных проектов построения всеобщих, в пределе бесконечных, иммунитетов для совместного существования больших групп людей. Если глобусы иллюстрируют прин-

¹ Слотердайк П. Сферы. Микросферология. Том I: Пузыри / пер. с нем. К. В. Лощевского. СПб.: Наука, 2005. С. 8.

цип единства, то пена — состояние множественности и нестабильности и даже неуловимости. Пена выражает состояние подвижной и децентрированной социальности. Глобусы и пены образуются присоединением (или отсоединением) и захватом пузырей.

Многие философы и концепции оказали влияние на сферическую антропологию немецкого философа. Можно, например, назвать морфологию культуры О. Шпенглера, теорию пространства Гастона Башляра, сетевую теорию акторов Бруно Латура, концепцию максимальной кооперации в условиях стресса Хайнера Мюльманна, философскую антропологию Арнольда Гелена, но, пожалуй, два известных философа в наибольшей степени повлияли на ключевые моменты сферологии Слотердайка: Хайдеггер и Ницше.

Слотердайк предлагает переосмыслить хайдеггеровский проект «Бытие и время» в контексте «Бытие и пространство». В экзистенциальной аналитике пространства главная характеристика человека — пребывание в чем-то, что Хайдеггер называл «Бытие-в-мире». При этом у Слотердайка «Бытие-в» всегда есть «Бытие-с-другим»; идеи Хайдеггера получают в сферологии социальное измерение. «Настоящий проект “Сферы”, — пишет Слотердайк, — можно понимать и как попытку выволить из-под спуда — по крайней мере в его существенных аспектах — субтематически присутствующий в ранних работах Хайдеггера проект “Бытие и пространство”. Мы полагаем, что если от интереса Хайдеггера к укоренению и можно избавиться, то лишь посредством теории пар, гениев, дополненной экзистенции². Хайдеггеровское бытие-в означает постоянное проживание в «среде заражения», невозможность стерильного существования.

Фридриха Ницше Слотердайк называет первым философом с иммунологическим стилем мышления, основателем всеобщей иммунологии: «именно Ницше осуществил иммунологический поворот мышления и был первым, кто истолковал культуру в целом как конкурентную борьбу между стратегиями уменьшения и стратегией увеличения масштабов заражения³. Действительно, биологическая метафизика и учение Ницше о воле к власти строятся на принципе: жизнь есть комбинация нападений и защит. В сферической иммунологии речь идет о серии взаимных захватов и влияниях, а также о возможностях всего этого избежать.

Том «Пузыри» посвящен различным способам образования первичных оболочек, символическим описаниям первичных интимных связей. Метафорически человек представляется в виде сосуда, который может наполняться только извне. Тогда быть человеком, согласно Слотердайку, — это всегда быть связанным с Другим, находиться в некотором парном контуре. В этом смысле первичная сфера представляет своего рода «Мы-иммунитет». То, что Слотердайк предлагает называть микросферой парадоксальным образом возникает на пересечении крутозоров и имеет, как минимум, два центра.

² Там же. С. 351.

³ Слотердайк П. Сферы. Макросферология. Том II: Глобусы / пер. с нем. К. В. Лощевского. СПб.: Наука, 2007. С. 560.

Первый том «Сфер» представляет собой последовательную критику автономии субъекта и индивидуализма. Люди оказываются связанными на символическом уровне общего кровообращения, в пространстве пересечения взглядов, телепатическом и гипнотическом единстве, в психоакустическом резонансе. Слотердайк пытается реконструировать различные концепции символической парности. Так, в комментарии Марсилио Фичино к платоновскому «Пиру» содержатся радиологические рассуждения об общем кровообращении у влюбленных или даже о символическом взаимном переливании крови. «Фактически Фичино изображает глаза любимого в виде активного радиолуча, несущего некоторое количество реальной крови в глаза любящего. Эта пересылка крови становится возможной благодаря тому важному обстоятельству, что на пути от сердца к глазам посылающего кровь словно истончается, превращаясь в дым или тонкое испарение (*vapor*), и поэтому представление, что зрительный луч, наполненный жизненным духом (*spiritus*), может транспонироваться за пределы тела, уже не кажется абсурдным»⁴.

Подобным же образом Слотердайк рассматривает межлицевое пространство общего взгляда на примере фресок Джотто «Приветствие Иоакима святой Анной» и «Поцелуй Иуды». В первом случае во время поцелуя лица Иоакима и Анны образуют третье лицо Христа, а во втором изображен сферологический разрыв. Слотердайк связывает феномен человеческой фациальности с процессом антропогенеза; то, что называется лицом присуще только человеческому существу. *Протракция*, или выделение человеческого лица в процессе эволюции, происходит благодаря совместным взглядам людей друг на друга. Ключевую роль здесь играет взгляд матери. Слотердайк пишет, что «с контакта лиц матери и ребенка в переходном от животного к человеку поле начинается пластическая операция, формирующая подлинно человеческое лицо»⁵.

В таком же ключе немецкий философ описывает появление интимной сферы на примере психоакустического контакта мифологических Сирен и спутников Одиссея. Загадка этих полуптиц-полуженщин, по Слотердайку, в том, что каждый человек еще до своего рождения слышит песни, которые мать поет только ему. Последующее существование означает некоторое неосознанное стремление к Песне всех песней. Сирены — это метафора выполнения обещания такого стремления к изначальному единству. «У певец есть ключ к вознесению слушающего субъекта на небеса, а их способ обольщения дает нам решающее указание на интимную зону добровольно открывающегося определенным внушениям слуха... <... Песня, желание и субъект всегда составляют единое целое»⁶.

Сферология как критика индивидуализма предлагает холистическое понимание реальности, компоненты которой связаны сильнее, чем может показаться, и на многих уровнях. Собственно говоря, сама реальность при таком понимании обнаруживается не столько «в чем-то», сколько «между чем-то». Например, процесс мышления немецкий философ предлагает

⁴ Слотердайк П. Сферы. Т. I. С. 121.

⁵ Там же. С. 175.

⁶ Там же. С. 506.

понимать как системное срабатывание, а не как элементарное: «человеческий мозг, как и гениталии, по самой своей сущности входит в некую парную, а вероятно, даже коллективную систему... <... Мозг — это среда для того, что делают или делали другие мозги. Интеллект получает необходимые для собственной деятельности ключевые раздражения лишь от другого интеллекта. Подобно языку и эмоции, интеллект — не субъект, а среда или резонансный контур»⁷.

Прообразом биполярной микросферы выступают отношения матери и ребенка, когда до рождения связаны общим дыханием, кровообращением, ребенок слышит мать, а после рождения «разрыв пуповины» компенсируется отношениями нежного взгляда, слова и касания. После рождения человек, по мнению Слотердайка, всегда связан с некоторым символическим двойником: «бытие уже потому обладает сферической и медиальной структурой, что субъект всегда находится в поле внимания и защиты некоей полубожественной силы. Каждый индивид пребывает в определенном духовном окружении независимо от того, как понимается его дух-хранитель: как персонифицированный спутник, пребывающий в некоем незримом *vis-a-vis*, или как окружающая человека аура, «божественная среда», перемещающаяся вместе с субъектом»⁸.

Людам после рождения свойственен не только поиск изначального укрытия, но также и некоторый экстатический порыв, своего рода иммунная трансценденция. Обнаружение границы изнутри автоматически инициирует интерес к преодолению: что там снаружи? Соответственно, переход от микросфер к макросферам осуществляется как борьба за иммунитет: взаимное поглощение пузырей.

Иммунитет восстанавливается и укрепляется посредством приручения стрессора. В смысле сказанного, иммунитет — это не только пассивная защита, но и активное нападение. Например, утрата близкого человека, биполярного Другого, с одной стороны, вызывает сильнейший стресс, так как означает брешь в микросфере. С другой стороны, смерть близких становится условием укрепления микросферы и создания макросферы.

В этом смысле расширение сферы происходит за счет одновременно отдаления и включения мертвых. Как пишет Слотердайк, «память о мертвых неизбежно высвобождает сферообразующие процессы, поскольку разорванную исчезновением важного Другого психическую сферу — интимный пузырь сосуществования — можно восстановить лишь с помощью своего рода пространствообразующей иммунной реакции»⁹.

Также увеличение пространства микросферы происходит через исключение «зла» в процессе жертвоприношения из сферы и создание дистанции; сфера прибавляется за счет буфера — «безопасного расстояния между иммунным пространством группы и ее изгнанными губителями»¹⁰.

⁷ Там же. С. 275.

⁸ Там же. С. 439.

⁹ Слотердайк П. Сферы. Т. II. С. 164.

¹⁰ Там же. С. 181.

Последующая история людей — это история построения различных гиперсфер, символических и политических образований, в которых могли бы ужиться людские множества.

Тотальная геометризация бытия начинается в Древней Греции. Продуктом воображения древнегреческих философов является идеальный шар, вмещающий в себя все, что только можно помыслить. С одной стороны, гиперсфера есть предел всякого рассуждения о тотальности сущего. В то же время это идеальный проект, или модель, которая будет реализована в так называемой наземной глобализации. В этом смысле метафизическая глобализация «на пергаменте» предшествует глобализации географических открытий, денег и телекоммуникаций.

Эта метафизическая мечта оказывается мечтой о сфере сфер, о «последнем иммунитете», вмещающем все, защищающем всех¹¹. Вообще говоря, глобус как наглядная модель мира используется для обозначения иммунных границ. Слотердаjk обращает внимание на тот факт, что в истории сосуществовали два глобуса — земной и небесный. Наличие небесного глобуса в метафизической уранологии древности указывает на наличие иммунитета, крепость которого может выражаться в количестве небес.

При этом метафизическая мечта находит некоторые наглядные подтверждения; происходит техническая реализация идеального плана бытия. «В великой технике нет ничего, что прежде отсутствовало бы в метафизике»¹². Например, в Древнем Риме строительство Пантеона — храма всех богов интерпретируется Слотердаjkом в иммунологической парадигме как «римское решение греческих задач». С одной стороны, в Пантеоне происходит имперское включение всех чужеродных богов (стрессоров) в единое пространство. С другой стороны, помимо политической иммунологии создается наглядное пособие, которое позволяет увидеть иммунитет снаружи (подойти к храму) и изнутри (войти в храм). Пантеон — модель, которая воплощает «иммунный мотив классической метафизики — взгляд на великое объемлющее, всему вмещающее и все собирающее воедино»¹³.

Позднее, в христианской теологии и мистике, предпринимается попытка построения бесконечного иммунитета. В этом смысле мистика представляет собой растворение в бесконечном иммунитете, но, как следствие, в мистике происходит утрата различий между внутренним и внешним, а по сути, между опасным и безопасным. «Мистика — это приобретенный иммунодефицит региональных онтологий; им заражаются в результате незащищенных сношений мышления с интригующим понятием бесконечного»¹⁴.

Уже у Августина в «Исповеди» исследуется интимное соотношение конечного и бесконечного. Далее в средневековой тринитарной теологии осуществляется попытка решить проблему интимного сосуществования многих в едином без отчуждения единичного. Троица, конечно, не совпадает

с миром, но в ней, как в идеальной схеме, исключаются любые разрывы, исключается все внешнее.

Вот эта тематизация исключения периферии продолжается в Новое время. Божественный гипериммунитет представляет собой такую сферу, в которой центр находится везде, а окружность — нигде. Подобное понимание реальности, например, у Джордано Бруно и Николая Кузанского следствием имеет утрату различия между центром и периферией. «С морфологической и иммунологической точки зрения можно утверждать, что в метафизическую эпоху важнейшей акцией Бога была оборона границы от Ничто, внешнего и бесконечного. <... Бог был способен оставаться “в силе” до тех пор, пока защитникам его интересов удавалось истолковывать его как гигантский, хотя и конечный, сохраняющий свою собственную форму шар. Как только теология начала всерьез работать с опустошающим атрибутом бесконечности (а с точки зрения истории метафизики это процесс, эндогенно инициирующий наступление Нового времени), она отняла у Бога его сферопойетическую функцию, ибо в бесконечном шаре исчезает метафизическое бризантное и иммунологически решающее различие между внутренним и внешним»¹⁵. Подобное стремление к бесконечности в метафизической и наземной глобализации приводит к расстройству иммунной системы и, как следствие, к распаду гиперсферы. Понимание реальности в контексте «центр везде, а окружность нигде», открытие и соединение всех частей Земли, как считает Слотердаjk, свидетельствуют об иммунологической катастрофе Нового времени: «Шар мертв». Смысл этой катастрофы очень хорошо выразил Блез Паскаль: «Вечное молчание бесконечных пространств повергает меня в ужас».

Бесконечное пространство не защищает людей, а значит, оно оказывается непригодным для жизни. Иммунная Судьба человечества после Нового времени связана с невозможностью построить гипериммунитет, неустроенностью и бездомностью. Как пишет во втором томе Слотердаjk, «многие граждане современных национальных государств, находясь дома, уже не ощущают себя у себя самих, а находясь у себя самих, уже не чувствуют себя дома»¹⁶.

Итак, после крушения гиперсфер на арену сферической иммунологии выходят пенные образования. Если в первом и втором томе у Слотердаjка присутствует консервативная ностальгия по утраченному иммунитету, то в третьем томе — лейтмотив «ничего не поделаешь, нужно как-то жить дальше». Немецкий философ пишет: «Единый шар взорвался, что ж — пена живет»¹⁷. Пены призваны описать постиммунологическую ситуацию, в который каждый пузырь (диада) вынужден проявлять недолжнину аутоиммунную заботу о себе, чтобы выжить в агрессивной среде, рискуя присоединиться к множеству себе подобных. Немецкий философ связывает

¹¹ Слотердаjk П. Сферы. Т. II. С. 112.

¹² Там же. С. 436.

¹³ Там же. С. 450.

¹⁴ Там же. С. 556.

¹⁵ Там же. С. 126.

¹⁶ Там же. С. 1006.

¹⁷ Слотердаjk П. Сферы. Плуральная сферология. Т. III: Пена / пер. с нем. К. В. Лоцевского. СПб.: Наука, 2010. С. 21.

актуальность иммунологии с так называемым «открытием окружающего мира», которое произошло во время Первой мировой войны. Использование среды для опосредованного уничтожения врага привело к трагическому осознанию факта, что вокруг человека есть некий окружающий мир, который может нести смерть. Химическое, бактериологическое, ядерное оружие и терроризм направлены на то, чтобы лишить людей условий существования, или жизненных предпосылок. Атмосферная война актуализировала глобальный ужас: весь мир опасен, следовательно, под подозрение попадает все незначительное и неясное. Теперь исследование — это пристальное внимание ко всему невидимому и незаметному, а также к средствам защиты от окружающего мира. В этом смысле XX век, по Слотердайку, — это век открытия иммунных систем.

Слотердайт отмечает, что понятие иммунитета становится своеобразным паролем эпохи. Теперь содержание этого понятия выходит за пределы биохимии и распространяется в ментальном и социальном полях. «Главная тема столетия вырастает из катастрофы традиционной культуры и ее холистической морали: *Making the immune systems explicit*. Выяснилось, что конструирование иммунитета представляет собой намного более всеобъемлющий и противоречивый процесс, чем все, что может быть описано с помощью одних лишь медицинско-биохимических категорий. В силу его комплексной природы для его реального развертывания необходимо привнесение политических, военных, юридических, технико-страховых и психосемантических, а следовательно, и религиозных компонентов»¹⁸. Такие феномены, как «душа», «Бог», «бытие», немецкий философ предлагает понимать как иммунитеты.

Экзистенциальная задача, стоящая теперь перед людьми, после того, как в воздушной войне был открыт окружающий мир — создание климатических теплиц, замкнутых на себе. Вынужденное изолированное существование немецкий философ предлагает описывать с помощью метафоры «острова». «Острова — это модели мира внутри самого мира»¹⁹. Начиная со времени выхода романа о Робинзоне Крузо, люди могут считаться островными существами. В качестве предельной модели островного существования немецкий философ считает «абсолютный остров» — космический корабль, обитающий в вакууме, и «атмосферный остров» — проект «Биосфера-2» — попытка построения тепличных жизненных миров в нежилкой аризонской пустыне.

Собственно возникновение человечества, антропогенез, по Слотердайку, есть приобретение коизолированного существования через иммунную дистанцию от природы. Антропогенные острова «позволяют понять, как люди становятся незютами, то есть островитянами, или — а это означает то же самое — как обитающие на островах живые существа благодаря беспрецедентному воздействию изоляции превращаются в лю-

¹⁸ Слотердайт П. Сферы. Т III. С. 193—194.

¹⁹ Там же. С. 311.

дей» (3, 359–360). В этом смысле несовершенство биологических иммунных механизмов привело к психоиммунной компенсации, обычно называемой словом «культура». Сам принцип островного существования означает некоторое сопротивление или выделение из среды.

Метафора пены описывает не только изоляцию ячеек, но и нестабильное и многоуровневое присоединение их друг к другу. Никакое подключение к другим, никакое соединение ячеек в пену невозможно без некоторой первичной, или родовой, биполярной связи. «Если люди способны существовать в “обществе”, то лишь потому, что они объединились и вступили в отношение друг с другом в каком-то другом месте, <... чтобы типично человеческим образом быть в обществе, необходимо заранее обладать некоей способностью к совместному бытию»²⁰. На примере современной архитектуры Слотердайт демонстрирует медиаиммунную гибкость субъекта в подключении-отключении к миру. Например, телефон, с одной стороны, отодвигает индивидуальные сферы на дистанцию, но в то же время остается каналом для психоинфекций²¹.

Третий том завершается антропологической критикой общества потребления в контексте иммунологической парадигмы. Философ обращает внимание на следующий парадокс: в обществе изобилия господствует консервативная идеология бедности. Богатство и излишки считаются чем-то привходящим, случайным, дополнением, а человек представляет собой по природе *homo pauper*. При этом недостаток, нехватка и дефицит должны быть обнаружены в самой сущности человека. «Когда речь идет о том, чтобы оценивать человеческое существование с точки зрения его недостаточности, решающее значение приобретает отнюдь не фактический, случайный и реверсивный недостаток материальных и символических благ у значительного большинства реальных персон; то, что действительно важно, теперь должно быть представлено в качестве конституционной или биокультурной ущербности *homo sapiens*»²². Слотердайт подробно анализирует антропологическую концепцию Арнольда Гелена и находит в ней данный идеологический парадокс. Как известно, Гелен, основываясь на трудах Юлиуса Кольмана и Луи Болька, предлагает понимать человека как *недостаточное существо*. Речь идет о том, что человек, в отличие от других существ, очень слаб биологически. Это, в частности, выражается в очень длительной по меркам природы адаптации новорожденного к окружающей среде.

Недостаточное существо не имеет биологической связи с окружающей средой и поэтому оказывается постоянно раздражено и перегружено значениями внешнего и, как следствие, внутреннего мира. Веер внешних воздействий и широкий диапазон возможных действий вызывают к жизни такой важный психический механизм, как *разгрузку*, которая «представляет своего рода механизм экономии — способ не поддаваться искушению

²⁰ Там же. С. 305.

²¹ Там же. С. 605.

²² Там же. С. 712—713.

саморастраты»²³. Сущность человека в смысле сказанного реализуется во «всеобщей экономике существования»: некоторое первоначальное природное богатство редуцируется к вторичной бедности восприятий.

Немецкий философ обращает внимание на тенденцию стремления сфер к левитации и облегчению жизни: каждый пытается решить иммунную задачу обеспечения себе максимального комфорта, быть независимым от тяжести и давления мира. «Оснащенные ограниченным набором облегчающих техник, люди самых различных культур стоят перед задачей как можно дальше уйти от тяжести мира — и нести на своих плечах то, что осталось»²⁴. Причина иммунного кризиса постсовременности, как считает П. Слотердайк, кроется, в том числе, в иммунном эскапизме и в итоге — в неспособности субъекта противостоять миру.

Сивков Денис Юрьевич
кандидат философских наук,
доцент кафедры философии и культурологии
факультета государственного и муниципального управления
Волгоградской академии государственной службы

²³ Там же. С. 721.

²⁴ Там же. С. 754.